

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ
21—23 июня 2012 г.

Создание надежного будущего
РАЗВИТИЕ БИЗНЕСА В АФРИКЕ К ЮГУ ОТ САХАРЫ
Дебаты

22 июня 2012 г. — 16:45—18:00, Павильон 4, Зал 4.1, Арена

Санкт-Петербург, Россия
2012 г.

При поддержке Renaissance Group

Модератор:

Трейси Корриган, Главный редактор, The Wall Street Journal Europe

Выступающие:

Марк Кутифани, Главный исполнительный директор, AngloGold Ashanti Ltd.

Александр Иванов, Заместитель председателя правления, ГК «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)»

Стивен Дженнингс, Главный исполнительный директор, Renaissance Group

Владимир Кремер, Председатель Делового совета Россия - ЮАР;
управляющий директор, ГК «Ренова»

Андрей Кузьяев, Президент, «ЛУКОЙЛ Оверсиз Холдинг Лтд.»; вице-президент, ОАО «ЛУКОЙЛ»

Раила Одинга, Премьер-министр Республики Кения

Николай Зеленский, Генеральный директор, Nord Gold N.V.

Т. Корриган:

Дамы и господа, благодарю за то, что вы присоединились к нам сегодня. Добро пожаловать на сессию «Развитие бизнеса в Африке к югу от Сахары». Перед тем как я представлю нашего гостя, позвольте ввести вас в курс дела. Название сессии включает в себя словосочетание «развитие бизнеса», однако хотелось бы отметить, что в Африке развитие бизнеса началось уже достаточно давно. Показатель роста одиннадцати стран на африканском континенте в последние десять лет превышает 7%. Поскольку Африка, без сомнения, развивается. Давайте же поговорим сегодня о том, что происходило в течение последних десяти лет и каковы перспективы этого континента. Мы обсудим, устойчив ли наблюдаемый рост и как остальные страны мира могут поддержать развитие и извлечь из него пользу для себя.

Я хотела бы представить гостей встречи. Справа от меня Стивен Дженнингс, главный исполнительный директор Renaissance Bank Group. Он работает в России уже около 20 лет. Также нас почтили своим присутствием Раила Одинга, премьер-министр Республики Кения; Андрей Кузьяев, президент «ЛУКОЙЛ Оверсиз Холдинг Лтд.»; Владимир Кремер, председатель Делового совета Россия — ЮАР и управляющий директор ГК «Ренова»; Николай Зеленский, генеральный директор Nord Gold N.V., и, наконец, Марк Кутифани, главный исполнительный директор AngloGold Ashanti Ltd.

Начну с Вас, Стивен, так как Вы уже давно ведете бизнес в Африке. Не могли бы Вы рассказать о своих наблюдениях за развитием экономики Африки в последние десять лет? В чем, на Ваш взгляд, причины столь очевидного роста и насколько он стабилен?

С. Дженнингс:

Для меня очевидно и немного странно, что перемены в экономическом развитии стран Африки вызывают непонимание. Экономика Африки растет с 1995 года. Темпы роста ВВП начали повышаться 15 лет назад. Регион к югу от Сахары сегодня на таком же переходном этапе, что и Азия 30 лет назад.

Экономическое развитие постепенно набирает обороты и расширяет свои границы. 90% стран региона к югу от Сахары не только характеризуются бурным экономическим ростом, но и стремятся к установлению демократии и плюрализма, к улучшению статистики здравоохранения и образования. Начав с очень низкого уровня, эти страны проходят масштабную модернизацию. Процесс развития очень трудоемок и какое-то время поддерживался искусственно. Этот рост ограничен сырьевым характером бизнеса. Это происходит не потому, что нетоварные экономики так же успешны, как и товарные, нет. Просто методики разительно отличаются от тех, что применялись ранее. Но и это не главная причина. При этом после кризиса 2008 года Африка была единственным регионом мира, где уровень ВВП не падал. Рост экономики этого континента продолжался на фоне обрушившихся на весь мир бурь и потрясений. На этом я заканчиваю свои вступительные замечания.

Т. Корриган:

Господин Кутифани, Вы тоже давно работаете в Африке и знакомы с обстановкой в различных африканских странах. Не могли бы Вы поделиться своей точкой зрения на то, как развиваются экономики региона?

М. Кутифани:

Мы работаем в двенадцати странах по всей Африке. Несомненно, в нашем случае рост спроса на «твердые» сырьевые товары способствовал активному развитию бизнеса, связанного с золотом. В настоящее время мы разрабатываем пять новых проектов и в течение следующих трех-пяти лет планируем потратить около 4 миллиардов долларов в таких странах, как Демократическая Республика Конго, Гана, Танзания и Гвинея. Африка — крайне важный для нас регион, и усовершенствование структуры и процессов развития в нем играет ключевую роль. Принимая решения о поддержке экономического роста региона, мы руководствовались общим процессом

управления и целым рядом других факторов. Таким образом, я настроен весьма позитивно и оптимистично относительно будущего этого континента.

Т. Корриган:

Господин премьер-министр, возможно, Вы скажете несколько слов о месте Кении в общей картине, вырисовывающейся на континенте? Что отличает Кению от других стран? Думаю, для нее сырьевой рынок менее актуален, чем для других стран, о которых нам сегодня еще расскажут наши гости.

Р. Одинга:

Перед тем как подробно рассказать о ситуации в Кении, я хотел бы подтвердить свою позицию, о которой говорю уже 20 лет: я афрооптимист, твердо верящий в способность африканцев поднять Африку. Моя позиция не находила поддержки, потому что, как вам известно, 10 или 20 лет назад об Африке говорили как о безнадежном континенте. Но положение дел у нас и вправду изменилось, и именно поэтому здесь, на Петербургском Форуме, мы говорим о развитии бизнеса в Африке. Но для того, чтобы полностью реализовать свой потенциал, нам необходимо завершить политическую и экономическую трансформацию, которую переживает сейчас наш континент. Под политической трансформацией я подразумеваю завершение процесса демократизации. Экономическая трансформация означает, по сути, интеграцию регионов и индустриализацию континента. Наша экономика не является товарной: мы занимаемся фермерством, а не торгуем товарами, но мы стремимся к добавлению все большей стоимости к тому, что производим. Развивая обрабатывающую промышленность в своей стране, мы увеличиваем долю добавленной стоимости в произведенной сельскохозяйственной продукции. Сельское хозяйство составляет очень большую долю нашего ВВП. Не стоит забывать о динамично развивающейся отрасли сферы услуг, куда относится и туризм, и об информационно-коммуникативных технологиях. В этих направлениях мы хотим развиваться. В этом году мы открыли нефтяные

месторождения. Раньше своей нефти у нас не было. Тем не менее, мы твердо уверены, что нам нет смысла полностью копировать восточноазиатскую модель, когда страна становится фабрикой, работающей на Запад. Африканские экономики могут развиваться как фабрики для общего африканского рынка и торговли в пределах континента. Вот на чем мы делаем акцент. Чтобы осуществить задуманное, мы должны развивать инфраструктуру, связывающую страны Африки, тем самым расширяя внутриконтинентальную торговлю.

Т. Корриган:

Вопросы инфраструктуры крайне важны, и мы к ним обязательно вернемся. Но Вы упомянули о нефти, и сейчас мне бы хотелось обратиться к Андрею Кузьяеву, как к представителю энергетической компании, с просьбой рассказать о возможностях, открывающихся в Африке в связи с обнаружением нефти.

А. Кузьяев:

Спасибо за то, что пригласили нас выступить здесь и обменяться мнениями. Я полностью согласен с господином премьер-министром в том, что длительное время мы — я имею в виду прежде всего Россию — не уделяли внимания Африке. Когда мы в начале 2000-х годов приезжали в африканские страны, то везде видели промышленные предприятия и социальные объекты, созданные при участии Советского Союза. Но в 90-е годы сотрудничество уже стало делом прошлого. Сейчас очевидно, что Африка сулит огромные возможности для российской экономики и российского бизнеса.

Какое значение имеет для нас Африка? В прошлом году, например, 50% инвестиций «ЛУКОЙЛа» в геологоразведку пришлось на Западную Африку. Это говорит о значении западноафриканских и вообще африканских проектов для компании. Речь идет не о десятках и даже не о сотнях миллионов долларов: всего мы инвестировали в геологоразведочную деятельность на территории Западной Африки около миллиарда долларов.

Перспективы открываются захватывающие. Когда мы приходили в такие страны, как Гана, Сьерра-Леоне, Кот-д'Ивуар, то рассчитывали только добывать там нефть. Сегодня там подтверждено наличие нефтегазовых запасов, начата нефтедобыча. Развитие этого региона требует прежде всего решения энергетической проблемы, потому что большинство западноафриканских стран вынуждены импортировать энергоресурсы. Развитие и создание собственных энергетических мощностей является ключевым фактором долгосрочного роста экономики африканских стран.

У российских нефтегазодобывающих компаний есть все возможности для осуществления инвестиций. В этих странах нас ждут. Никто не забыл о том сотрудничестве, которое развивалось десятилетия назад. В Африке действуют европейские компании, американские, азиатские и в первую очередь — китайские. Но для создания баланса интересов и обеспечения эффективного экономического роста необходимо присутствие компаний из России.

Т. Корриган:

Перейдем к Владимиру. Вы также работаете в Африке, и Вы говорили о собственных инвестициях в инфраструктуру региона. Насколько важно для Вас сейчас и в будущем развитие инфраструктуры региона? Возможно, стоит начать с того, произойдет ли вливание значительных инвестиций в инфраструктуру, развитие которой позволит Африке расти в том же темпе.

В. Кремер:

Африка играет очень важную роль в бизнесе Группы компаний «Ренова» (ГК «Ренова»). Наши интересы сконцентрированы на так называемом Southern African Development Community (SADC), занимающем немалую часть континента: иными словами, это субэкваториальная Африка. Это 14 стран с суммарным ВВП около 750 миллиардов долларов и населением 250 миллионов человек. Это огромная по масштабу экономика.

Группа компаний «Ренова» вкладывает в регион большое количество денег. Основным проектом ГК «Ренова» в SADC является добыча марганцевой руды в пустыне Калахари и в провинции Мпумаланга (Южно-Африканская Республика): 80% мировых запасов марганцевой руды находится в провинции Калахари. Мы начали наш бизнес семь лет назад. С тех пор мы построили рудник с производственной мощностью в 2,5 миллиона тонн руды в год, приобрели завод по производству силикомарганца в провинции Мпумаланга, а в этом году запустили рудник на полную мощность.

Мы очень довольны своим бизнесом: сегодняшняя ситуация на рынке внушает определенный оптимизм. Общий объем инвестиций ГК «Ренова» в марганцевый бизнес составляет около 400 миллионов долларов. Мы уже разработали технико-экономическое обоснование развития браунфилда, подготовили проект расширения производства сплавов. В ближайшее время мы запустим sinter plant: это агломерационный комплекс. Сейчас мы также рассматриваем возможность строительства двух новых высокопроизводительных печей для производства сплавов.

Итак, мы очень оптимистично смотрим на ситуацию как в Африке, так и на рынке commodities: надеюсь, в ближайшее время она улучшится. Но, как Вы, Трейси, правильно заметили, на континенте есть проблемы с инфраструктурой. Даже в такой развитой стране, как Южная Африка, логистические проблемы очень велики. Волей или неволей мы должны заниматься улучшением инфраструктуры, потому что нужно разрешить логистическую проблему, потому что пропускная способность железных дорог очень мала. Но также и потому, что там присутствуют крупные игроки, компании, занимающиеся добычей железной руды, — BHP Billiton, Samancor, ArcelorMittal. Фактически идет борьба за ресурсы.

Президент Южной Африки Джейкоб Зума в феврале произнес речь, в которой определил основные направления развития инфраструктуры в Южной Африке. Встретившись во время саммита стран БРИКС с Дмитрием Анатольевичем Медведевым, он пригласил российские компании участвовать

в крупных инфраструктурных проектах. В ближайшие семь лет правительство Южной Африки планирует инвестировать в инфраструктуру около 40 миллиардов долларов. Из них 26 миллиардов долларов предполагается вложить в развитие транспорта, в том числе железнодорожного, и 14 миллиардов — в портовое хозяйство, включая порты Салданья и Нгура: это железорудные и марганцевые порты. У крупных российских компаний, государственных и частных, появляется широкое поле для приложения усилий. В этих проектах могут принять участие РЖД и Минтранс. Будут участвовать «Ренова» и «ЕВРАЗ», планирует это делать и «Норильский Никель».

Параллельно с развитием инфраструктуры в Южной Африке осуществляется и программа развития энергетики — самая обширная в мире. Правительство страны только что приняло так называемый Integrated Resource Plan, предусматривающий введение в строй мощностей на основе альтернативных источников энергии в размере 17,5 гигаватт и атомных реакторов мощностью 9,6 гигаватт. Стоимость такой программы в области атомной энергетики составляет 50 миллиардов долларов: это 8 мощнейших энергоблоков, создаваемых по современной технологии.

Я, как сопредседатель Делового совета Россия — ЮАР, прилагаю много усилий для того, чтобы наши российские компании — в частности, «Росатом», — принимали активное участие в развитии атомной энергетики в Южной Африке. Объем инвестиций предполагается колоссальный. Я очень оптимистично настроен относительно перспектив российских компаний в странах SADC и в Южной Африке.

Т. Корриган:

С моей точки зрения, это очень интересный момент. Когда мы говорим об инфраструктуре, мы говорим не только о дорогах и зданиях, но и об электроэнергетике. Расскажите нам о своем опыте работы в данном направлении. Ведь в Африке есть проблемы с энергией, не так ли? Многим

странам уже не хватает энергии для поддержания роста, порождаемого экономикой. Стало ли это проблемой и для Вас? Оптимистичны ли Вы, как Владимир, или все же склонны думать по-другому?

Н. Зеленский:

В целом по отношению к Африке мы настроены очень оптимистично. Уже сейчас на Африку приходится около половины всего производства нашей компании, она дает нам около половины прибыли. Мы присутствуем в Буркина-Фасо и в Гвинее. Наш оптимизм выражается, например, в том, что следующий рудник, который мы будем вводить в строй, находится как раз в Буркина-Фасо. Это наш второй рудник в этой стране.

Что касается ограничений по энергетике, то это одна из самых серьезных проблем. Во многих странах Западной Африки собственная генерация вообще отсутствует: они вынуждены импортировать электроэнергию или производить ее с помощью дизель-генераторов, что обходится чрезвычайно дорого. Несомненно, это в определенной степени тормозит крупные проекты — например, горнодобывающие. Однако преимуществом африканских стран является качество минерально-сырьевой базы: хотя электроэнергия за счет дизель-генераторов там очень дорога, все равно удается достичь нужной рентабельности и нормы возврата на вложенный капитал.

Но для развития страны это, конечно, является огромной проблемой — для Буркина-Фасо, например, проблемой номер один. Малый бизнес и население страдают от недостатка электроэнергии и постоянных веерных отключений. Страна развивается очень динамично, но наверняка развивалась бы значительно быстрее, если бы у малого бизнеса и жителей был необходимый доступ к электроэнергии.

Об этом надо думать, надо прилагать совместные усилия. Нужна кооперация между странами: если у какой-то страны, например, есть выход к морю, а значит, доступ к углю, она может производить электроэнергию и поставлять ее в другие страны. Возможно, в строительстве объектов энергетики примут

участие Всемирный банк и другие подобные организации. А сейчас нехватка электроэнергии — это ограничение номер один, которое сказывается на экономике даже больше, чем нехватка железных или автомобильных дорог.

Т. Корриган:

Марк, как раз перед сессией мы говорили о потребностях в инфраструктуре, с которыми вы сталкиваетесь в Африке. О том, что вы не просто строите шахты: ваша деятельность гораздо шире. Не могли бы Вы рассказать нам об этом? И полагаете ли Вы, что это проблема всех международных компаний, ведущих бизнес в Африке? Сложно ли будет найти инвестиции для удовлетворения потребностей в инфраструктуре, в частности, в обеспечении энергоресурсами, о чем мы уже говорили?

М. Кутифани:

Наша компания занимается разработкой новой модели развития, в которой мы являемся лидерами в пределах Африки. Для справки скажу, что в Африке сосредоточено 40% мировых природных ресурсов и 15% всего населения мира. Следовательно, доля природных ресурсов на одного жителя в четыре раза превышает аналогичный показатель в остальных регионах мира. Мы хотим сотрудничать с другими странами в развитии этих ресурсов. Однако, по большому счету, наша отрасль промышленности имеет дурную репутацию. Мы думаем над тем, как ее изменить. Нашу отрасль следует относить скорее к развивающей промышленности, чем к добывающей. Мы не хотим, чтобы на нас реагировали, как на поход к зубному врачу. Напротив, мы хотим, чтобы разработка месторождений полезных ископаемых воспринималась народом как способ развития страны и повышения уровня жизни.

Приведу пример нашего последнего проекта в Демократической Республике Конго: 40% нашего вложенного капитала пойдет на обеспечение региона электроэнергией, на постройку дорог, больниц и образовательных учреждений, что напрямую влияет на благосостояние местных жителей. Мы

полагаем, что если горнодобывающая отрасль, туристическая отрасль, администрация крупных населенных центров и другие заинтересованные группы начнут рассматривать возможность собственного вклада в построение локальных сообществ на территории Африки, то совместными усилиями нам удастся создать по всему континенту инфраструктурные центры и связать их между собой. Мы обсуждаем эту тему с точки зрения горнодобывающей промышленности, однако приглашаем все отрасли к плодотворному сотрудничеству с правительствами для создания инфраструктуры на местах. Именно это происходит в настоящий момент в Демократической Республике Конго, где мы прокладываем электросети, строим дороги, учреждения здравоохранения и образования, что также дает сельскохозяйственному сообществу доступ к другим рынкам региона. Мы коренным образом меняем характер сообществ, в которых ведем свою деятельность. По нашему мнению, именно так наша отрасль может внести вклад в будущее развитие Африки.

Т. Корриган:

Одной из причин того, что ваша и другие компании ведете эту деятельность, — повышение требований со стороны правительств стран, которым принадлежат природные ресурсы. Не могли бы Вы дать нам представление о партнерских отношениях между компаниями, а также рассказать, что уже сделано ими в создании инфраструктуры? Кажется, страны Африки претерпели серьезные структурные изменения в принципах управления. Например, в большинстве африканских стран процедура открытия бизнеса занимает намного меньше времени, чем в России. Может быть, Вы расскажете нам об этом подробнее.

Р. Одинга:

Да, мы поняли, что одно лишь государственное финансирование не способно удовлетворить все потребности в повышении уровня инфраструктуры. Мы пришли к выводу, что нам необходимо эффективное партнерство.

Сотрудничество частного и государственного сектора сейчас имеет основополагающее значение, именно в этом направлении мы движемся. И сейчас мы находимся в ситуации, когда нам необходима помощь консультантов. Например, финансирование постройки дорог идет по линии Всемирного банка. И мы оправдываем свою роль стороны партнерского соглашения. К построению Северного транспортного коридора привлекаются средства частного сектора, это наш совместный проект. То же самое реально осуществить и в иных инфраструктурных проектах, к примеру, энергетических. Мы привлекаем компании к сотрудничеству в области геотермических работ, развития, энергоресурсов и так далее. Актуально партнерство в железнодорожном транспорте, авиации и кораблестроении.

В нашей стране осуществились самые грандиозные проекты развития инфраструктуры на континенте, как до, так и после получения независимости. Здесь стоит упомянуть транспортный коридор порт Ламу — Южный Судан — Эфиопия (LAPSSET). Задачами данного проекта являются создание нового порта в Ламу и постройка железной дороги, соединяющей его со столицей Эфиопии Аддис-Абебой и столицей Южного Судана Джубой. В итоге коридор должен протянуться до Центральноафриканской Республики, Конго и города Дуалы в Камеруне, соединив Атлантический и Индийский океаны. Это будет самый масштабный инфраструктурный проект на континенте. Он в значительной мере упростит внутриафриканские торговые связи.

Мы говорим о торговле в Африке, но не признаем, что ее тормозит отсутствие инфраструктуры. Как можно осуществлять торговлю с Центральноафриканской Республикой, которая находится от нас в тысяче километров? Будучи внутриматериковой страной, она не имеет выхода к морю. Но с восточной стороны континента дорог, ведущих к ней, нет. Соответственно, приходится огибать Мыс Доброй Надежды, плыть до Нигерии или Камеруна и уже оттуда пробираться вглубь континента. Раньше торговля с ЦАР казалась несбыточной мечтой, но сегодня она совершенно реальна. Помните, как Сесил Родс на рубеже 19 и 20 веков говорил о трансафриканской

магистрала, идущей от Мыса Доброй Надежды до Каира, которая так и не была построена? Сегодня мы строим ее малыми частями, продвигаясь все ближе к Каиру.

Каковы наши предложения? Мы намереваемся провести конференцию для обсуждения инвестирования. Освещать ее в прессе будет лондонское издание Financial Times. Мы пригласим на конференцию представителей частного сектора. Им будет предложено партнерство в реализации первого этапа строительства, связывающего Кению, Эфиопию и Южный Судан. По завершении этой части мы перейдем ко второму этапу, на котором к коридору присоединятся Центральноафриканская Республика, Демократическая Республика Конго, Республика Конго и другие страны. Затем присоединится Нигерия, и все двери для внутриафриканской торговли будут открыты. Мы полагаем, что так вы сможете извлечь из этого рынка выгоду для себя. Африканский рынок далеко не мал. В настоящее время годовой ВВП стран к югу от Сахары составляет около 1 триллиона долларов США. Этот показатель удвоится в течение следующих 10 лет, а через 20 лет станет выше в четыре раза. Рынок велик, и мы полагаем, что идем верной дорогой. Чтобы достичь тех же успехов, что азиатские страны, африканским странам надо работать исключительно в пределах Африки. Африканский рынок будет отличаться от азиатского, ориентированного на Запад, который построил фабрики в Китае, Индии и Корее. Африка же может стать рынком для африканских стран.

Т. Корриган:

Основным стимулом для этого, конечно, может считаться рост потребления в Африке. Здесь уместно было бы поговорить о демографической ситуации в Африке, экспертом по которой является Стивен. Вы не могли бы прокомментировать эту тему?

С. Дженнингс:

Африка, с одной стороны, самая бедная часть мира, при этом Южная Африка — наиболее динамично развивающийся регион в мире. Одно из последствий такого сочетания противоположностей — скачкообразное развитие. Могу привести пример из области телекоммуникаций. Всего за шесть лет Нигерия прошла путь от 800 тысяч стационарных телефонов до 70 миллионов номеров мобильной связи. То же самое наблюдается в инфраструктуре. Самой быстроразвивающейся экономикой этого года станет Сьерра-Леоне. Кто бы мог подумать! В этом году показатель роста Сьерра-Леоне составит около 45%. Подобный рост происходит благодаря многомиллиардным инвестициям в инфраструктуру, главным образом, добычи железной руды, для чего необходима масштабная система железных дорог, городов, портов и прочих объектов. Одновременно любой другой пункт, расположенный вблизи новой железной дороги, получает возможности для экспорта. Таким образом, за последние три-четыре года был открыт целый новый регион. Полагаю, что мы увидим подобный скачкообразный рост и во многих других областях. Коль скоро речь зашла о потребителях, то подчеркну, что в Африке проходит самый массовый процесс урбанизации за всю историю человечества. Африка урбанизируется и обладает большим демографическим преимуществом, нежели Азия в периоды расцвета, в совокупности с высокими темпами роста. Важнейшую роль в успехе азиатского региона на мировой арене сыграла именно урбанизация, а также прирост молодого, энергичного населения. Китай начнет терять свои демографические преимущества через пять-шесть лет, а у Африки есть еще 20 или 30 лет, чтобы воспользоваться своими. Таким образом, у Африки есть мощный козырь, способный стимулировать модернизацию на протяжении долгого времени.

Т. Корриган:

Когда Китай зайдет в демографический тупик, каким образом это повлияет на остальные страны? Насколько сохранение темпов развития в Африке зависит от сильных позиций Азии и Запада?

С. Дженнингс:

Я твердо уверен: через несколько лет мир поймет, что Африка — это не только стремительно развивающийся регион, но и зона наименьших рисков. В Африке самый низкий леввередж, она наименее подвержена влиянию проблем Запада, здесь самая сильная и стабильная демография, и модернизация здесь имеет разумный и эффективный характер. Конечно, Африка не застрахована от влияния замедленного темпа развития в Китае или экономических проблем на Западе, но она определенно наиболее надежно ограждена от этого. С течением времени все поймут, что подобная позиция весьма привлекательна.

Т. Корриган:

А что Вы скажете о влиянии Африки на другие страны? Например, на Россию. Не знаю, может ли кто-то из вас ответить на мой вопрос. Какие преимущества может получить Россия от развития Африки? Очевидно, что во всей мировой экономике не так много стран, способных расти в таком же темпе. Видит ли Россия какие-либо возможности для себя в отношении не только товарооборота, но и африканского потребителя и демографической картины, которой мы только что коснулись? Владимир, прошу Вас.

В. Кремер:

Как я уже говорил, Россия может помочь африканским странам в развитии альтернативной энергетики. Группа Компаний «Ренова» участвует в тендерах по строительству солнечных парков и заводов по производству солнечных панелей. Нужно отдать должное нашим коллегам из Африки: Integrated Resource Plan — это комплексная программа по развитию энергетики до 2030 года, и conventional, и альтернативной, и ядерной. Документ просто образцовый. Огромное внимание уделяется развитию солнечной энергетики. До 2030 года планируется ввести в строй 8,4 гигаватта мощностей.

В состав группы компаний «Ренова» входит компания, которая занимается производством солнечных модулей, их установкой и созданием солнечных парков. Поэтому мы, помимо активного участия в разработке минерально-сырьевой базы Африки, наметили обширную программу развития солнечной энергетики, и начинаем с Калахари, с Южной Африки. У нас есть и программа по развитию солнечных парков в других странах SADC. Я считаю, что это даст импульс развитию солнечной энергетики и участию российских компаний в этом процессе.

Н. Зеленский:

Я бы добавил, что Африку явно выделяет еще качество ее сырьевой базы. Недоразведанность, которая является причиной ее отставания в развитии от других регионов, — это одновременно и преимущество. Здесь еще остались запасы, качество которых несравнимо с качеством запасов в других странах мира.

Стивен Дженнингс приехал в Россию 20 лет назад, в правильное время, и стал здесь миллиардером. Думаю, многие инвесторы, в том числе российские, могут точно так же приехать в Африку, работать там и получать многомиллиардные прибыли.

Т. Корриган:

Вы полагаете, что какие-то российские компании, помимо сырьевых, сегодня будут активнее выходить на африканский рынок?

Н. Зеленский:

В первую очередь, наверное, это будут горнодобывающие компании. Но, как сказал Владимир, будут и те, которые занимаются развитием энергетики, а в дальнейшем придут и банки, поскольку рынок растет. Наверное, Сбербанк, который сейчас активно действует в соседних с Россией странах, поучаствует в финансовых институтах стран Африки. Огромное количество молодежи,

растущие доходы населения, — все это становится очень привлекательным и для представителей других отраслей индустрии.

Т. Корриган:

Возвращаясь к инфраструктуре: изменятся ли требования к ней в связи с демографическим ростом? Мы наблюдаем резкий скачок средней продолжительности жизни в странах Африки. Затруднит ли он развитие инфраструктуры образования и здравоохранения? Об этом мы еще подробно не говорили.

М. Кутифани:

Могу сказать, что в тех регионах, где работаем мы, нам удалось найти партнера в лице органов власти. Интересно, что я, будучи главой горнодобывающей компании, одновременно поддерживаю здравоохранение в Южной Африке. В Южной Африке у нас есть две достаточно крупные больницы, еще шесть расположены в глубине континента. Для того, чтобы достичь успеха и установить партнерские отношения с правительствами, необходимо быть многопрофильными: мы должны повышать эффективность и обеспечивать правительства тем, что они считают необходимым. Если нам это удастся, то мы, безусловно, повысим благосостояние сообществ, на территории которых работаем, а значит, можно надеяться, нас попросят туда вернуться.

Т. Корриган:

И все же, не является ли это промежуточным этапом? Потому что, например, в России бизнес ведется совсем иначе.

М. Кутифани:

Это интересно. Скоро я поеду в Сидней, куда меня пригласили для участия в дебатах о горнодобывающей промышленности и запредельных налогах в этой

отрасли. С моей точки зрения, причина, по которой на компании налагается добавочный налог, кроется в их нежелании сотрудничать с правительствами. Они не вносят свою лепту в развитие сообществ, и эта проблема встречается повсеместно в любой стране мира. Горнодобывающая отрасль должна менять подход, то есть создавать блага во всех сферах жизни сообщества, если мы хотим получить в будущем то, на что рассчитываем. Это долгий разговор. Работая на территории того или иного сообщества, мы должны решать те проблемы, которые важны с его точки зрения, а не с нашей. Потребности сообщества должны выступать на передний план. Только если мы будем эффективны и повысим благосостояние наших партнеров, нас попросят вернуться.

Т. Корриган:

Господин премьер-министр, не могли бы Вы рассказать нам о потребностях инфраструктуры в области здравоохранения и образования? Каковы Ваши надежды и цели относительно Кении и, в более широком смысле, относительно Африки?

Р. Одинга:

Как уже отмечалось ранее, в населении Африки преобладает молодежь. Согласно переписи 2009 года, 72% населения Кении составляют люди младше 35 лет. Мы можем использовать данное демографическое преимущество, обеспечив молодежь обучением необходимым знаниям и навыкам. Мы ясно осознаем, что наша система образования не вполне соответствует требованиям концепции экономического развития Vision 2030. Поэтому сейчас мы пытаемся привести нашу образовательную систему в соответствие с принципами Vision 2030. Так мы сможем обеспечить новые производства квалифицированным персоналом, иными словами, удовлетворить потребности рынка. В настоящее время мы над этим работаем.

Мы предъявляем определенные требования инвесторам: они также должны внести свой вклад в образование. Если говорить о добыче сырья и горнодобывающей промышленности, то мы не хотим быть просто источником сырья. Мы должны извлечь из этого выгоду. При переработке сырья на территории Кении компаниям необходимо вносить свой вклад в развитие страны. Разумная социальная ответственность компании состоит в том, что она способствует повышению образовательного уровня и профессиональной квалификации населения, дополняя тем самым работу правительства. Мы со своей стороны сделали все возможное, чтобы наша страна стала открытой для инвестиций в инфраструктуру. Мы вкладываем огромные средства в проектирование и постройку дорог, а также в развитие энергетики. Четыре года назад производство электроэнергии в Кении составляло лишь 1000 мегаватт. Сейчас показатель вырос до 1500. Через пять лет мы хотим подняться до уровня в 10 тысяч мегаватт, что позволит нам привлечь в страну большие инвестиции. Мы много вкладываем в инфраструктуру водоснабжения и канализации, железных дорог. К примеру, мы проводим масштабные работы по расширению и модернизации колониальной железной дороги, которая была построена в конце прошлого века, и прокладываем стандартную железнодорожную колею, чего раньше в регионе не было совсем. Прежняя колея относилась к колониальному периоду. Как я уже говорил, подобные шаги мы предпринимаем также в Эфиопии и Южном Судане. Как вы видите, мы отчетливо понимаем, что африканским странам жизненно необходимо инвестировать в развитие инфраструктуры. Только делать мы это должны в сотрудничестве с частным сектором, при этом правительства должны использовать все свои ресурсы. Но не стоит забывать и про образование, которое так важно для развития. По нашему мнению, это неременное условие прогресса.

Т. Корриган:

Я бы хотела послушать вопросы из зала. У нас есть несколько микрофонов; передайте их, пожалуйста, в зал. Сегодня мы выслушали интереснейшие мнения относительно развития инфраструктуры, появления африканского потребителя и концепции роста, который продолжает оставаться устойчивым, несмотря на замедление в других регионах мира.

Если у вас есть вопрос, то прошу поднять руку, назвать свое имя и страну. Передайте, пожалуйста, микрофон в первый ряд.

Ч. Океахалам:

Добрый день. Спасибо за возможность высказаться, Трейси. У меня есть пара комментариев и один краткий вопрос.

Т. Корриган:

Прошу прощения, представьтесь, пожалуйста.

Ч. Океахалам:

Меня зовут Чарльз Океахалам. Я нигериец, но живу в Южной Африке, где являюсь главой инвестиционного холдинга, деятельность которого распространяется на девять стран региона к югу от Сахары и на две страны Магриба.

Во-первых, Африка — не страна, а континент. Называя Африкой все его страны, мы зачастую путаем понятия. Ведь Кения, Нигерия, Южная Африка и все остальные выступают как отдельные игроки, каждый со своими проблемами. Что мы имеем в виду, говоря об Африке? Может быть, Демократическую Республику Конго или что-то другое? У каждой страны свои собственные характерные черты, об этом стоит помнить.

Во-вторых, из-за такой неоднородности между странами перед нами стоят разные проблемы, но в то же время и открываются разные возможности. Посещая различные страны на континенте, представители делового мира видят как потенциальные возможности, так и реальные угрозы различных

рынков. Поэтому одной из основных задач для нас сегодня становится расширение пространства и отвоевание части той доли африканского рынка, которая принадлежит сейчас Индии и Китаю. Вот почему я сегодня здесь. По крайней мере, это одна из причин моего приезда сюда, на этот Форум.

Вообще я ехал в Лондон, и обычно мой маршрут не включает Санкт-Петербург. Но один из партнеров, с которым я встречался на прошлой неделе, спросил: «Почему бы Вам не заглянуть в Россию? Вы бывали там раньше?» Я ответил «нет», на что он сказал мне, что в России процветает технократия: здесь ценятся квалификация и технические знания. Он сказал: «Приезжайте, не пожалеете!» И вот мы здесь.

Мы хотим понять, какие возможности должны открыться России в африканском рынке, чтобы она действовала на континенте активнее, чем сейчас. Мы хотим, чтобы своим присутствием на нашем рынке Россия стимулировала конкуренцию и тем самым создавала для нас более комфортные условия в противостоянии китайским и прочим компаниям. Так африканский рынок станет более конкурентоспособным. Мы приветствуем опыт российских компаний, но главным образом мы ищем потенциальных партнеров, а не просто инвестиций со стороны России. Мы очень открыты и готовы инвестировать в ваш рынок. И если бы мы видели для себя возможности на российском рынке, то мы бы обязательно это делали. Для некоторых районов Африки также характерна олигархия. У нас тоже есть люди, состояние которых оценивается миллиардами долларов, и я даже лично знаком с некоторыми из них. И они могли бы инвестировать в ваш рынок, если бы видели возможности, а ставки и прибыль соответствовали друг другу.

Мой единственный вопрос обращен к представителю «ЛУКОЙЛа», Андрею Кузязеву. Не могли бы Вы рассказать, рассматривается ли компанией выход на другие энергетические рынки, помимо нефтяного. Если да, то какой путь Вы для себя видите? Знаете ли Вы что-либо об участниках этого сектора рынка? Я знаю, что «ЛУКОЙЛ» — это, прежде всего, нефтяная компания, но все же, входит ли в ваши планы развитие дополнительных источников энергии?

А. Кузьев:

Наша компания действительно занимается добычей нефти. Но мы также занимаемся добычей газа и производством электроэнергии.

Что касается Африки, то она неоднородна. Даже соседние страны не похожи друг на друга: разный уровень развития, разный уровень потребностей, разные инфраструктурные проблемы. Каждая страна требует специфического подхода.

Когда мы говорим о сегодняшней Африке, то должны понимать несколько вещей. Есть регионы со сложившейся нефтедобычей — прежде всего это Нигерия. Есть страны, где налаживание добычи занимает длительное время, но перспективы роста при этом велики: можно выйти на уровень до двух миллионов баррелей в сутки — это Ангола. Очевидно также, что в Африке начинается эра газа. Альтернативные источники энергии и ядерная энергетика создают дополнительные возможности, но основой энергетики будут месторождения газа, которые сегодня открываются в Восточной и Западной Африке. Небольшие проекты, о которых мы говорим, могут быть связаны с локальными системами генерации. Африка нуждается в создании глобальной энергетической системы, в надежных источниках сырья, прежде всего газа, и в самых современных энергетических решениях.

О том, что касается «ЛУКОЙЛа». Приходя в такой высокорискованный регион, как Африка, мы ищем в первую очередь возможности минимизации рисков, и эти возможности связаны, прежде всего, с нефтью. Но в будущем мы не исключаем развития газового бизнеса, и если в ходе наших поисков углеводородного сырья обнаружится газ, мы будем думать, как с ним поступать. Существует несколько вариантов: сжижение газа, экспорт газа. Но мы вместе с другими российскими компаниями, особенно горнодобывающими, рассматриваем возможность реализации комплексных проектов. Мы строим энергетические мощности, позволяющие обеспечивать электроэнергией горнорудную промышленность. Очевидно, что нашими партнерами в этом

являются африканские государства, которые заинтересованы в создании устойчивых рынков электроэнергии для населения.

Мы заинтересованы и в создании альянсов с местными инвесторами. У нас уже есть опыт таких альянсов с нигерийскими компаниями, и мы готовы развивать сотрудничество дальше. Локализация наших инвестиций, присутствие местных инвесторов повышают качество инвестиций.

Т. Корриган:

Я хочу вернуться к одной из высказанных Вами мыслей, Да, мы часто говорим об Африке как о едином пространстве для инвестиций, однако на практике все страны этого континента отличаются по множеству параметров. Есть ли у кого-то дополнения по данному вопросу? К примеру, как Вы рассматриваете Африку с точки зрения инвестиций? Охватывает ли Ваша инвестиционная перспектива всю Африку, или Вы планируете работать в одном из регионов, или во всех по очереди?

С. Дженнингс:

И то и другое. Соглашусь, Африка многогранна: это разные страны, разные народности, разная история и инфраструктура. Думаю, вы понимаете различия лучше меня. Однако нельзя отрицать, что существуют определенные характеристики, объединяющие 90% стран субэкваториальной Африки. Экономический рост охватывает огромное пространство. Вам известны показатели статистики по детской смертности в регионах Африки к югу от Сахары? Они снижаются на 5% в год. В Кении — на 8% в год. Показатель стал вдвое меньше за пять лет, а раньше на достижение подобного результата ушло бы не менее 25 лет. И такое улучшение наблюдается практически во всех странах континента. Но это общие проблемы. В то же время каждая страна имеет специфические особенности, которые необходимо принимать во внимание при управлении бизнесом и инвестициями.

М. Кутифани:

Я думаю, что позиция Стивена верна. Нужно учитывать обе стороны вопроса. Но мне хотелось бы поделиться одним наблюдением, важным не только для горнодобывающей, но и для других отраслей. Большинство сотрудников, нанятых для работы на наших объектах (всего у нас 40 тысяч сотрудников, работающих в 12 различных странах во всех регионах Африки), приезжают из пригородов и сельской местности и не имеют необходимого образования. Наша отрасль принимает таких сотрудников, но сначала мы обеспечиваем им основное образование на школьном уровне, а затем обучаем технологии процессов. К примеру, мы используем модель управления, применяемую концерном Toyota, но мы сделали так, чтобы суть рабочего процесса была максимально понятна сотрудникам. Тогда они быстрее вникают в промышленный процесс, с которым им прежде не приходилось сталкиваться. Мы увидели, что наша тактика действенна: обучение знаниям и навыкам шло быстрее, чем где бы то ни было под нашей опекой. Это важный урок. Предоставляя детям шанс и обеспечивая их путевкой в жизнь в виде образования, мы получаем поразительный результат. Мы настроены весьма оптимистично, потому что нам удалось построить мост между отдаленной сельской местностью и промышленными центрами. Это не так трудно, как то может показаться. Если вы четко контролируете процесс, все пойдет как по маслу. На данный момент наша производительность выросла в три, в четыре и даже в пять раз. Для нас это лучшая структура издержек и, следовательно, огромный потенциал.

Т. Корриган:

Хорошо. Еще пара вопросов. Мужчина в предпоследнем ряду.

Из зала:

Я бы хотел задать вопрос премьер-министру Одингге. В начале этого года в вашей стране были открыты крупные месторождения нефти. По предварительной оценке геологов, Кения может стать потенциальным соперником и даже превзойти соседнюю Уганду. Однако известно, что у Уганды возникли определенные проблемы при попытке задним числом создать и ввести в действие законы о нефти и об углеводородных энергоносителях для управления добычей сырья. Каким образом Кения собирается противостоять подобной проблеме? Очевидно, что вы имеете две конкурирующие потребности. Во-первых, законное желание повысить уровень жизни, используя преимущества, возникающие в результате добычи сырья. А во-вторых, одновременно привлечь инвестиции и убедиться в том, что зарубежные инвесторы готовы тратить свой капитал на добычу нефти. Как согласовать эти две потребности? И более частный вопрос, как продвигается развитие закона об углеводородных ресурсах?

Р. Одингга:

Прежде всего, я бы хотел прокомментировать позицию господина из Нигерии по поводу неоднородности Африки. Соглашусь, что в чем-то страны Африки отличны друг от друга, но в чем-то другом весьма схожи. Возьмем, к примеру, бедность, отсутствие индустриализации, необходимость развития инфраструктуры — существует множество критериев, которые применимы ко всем странам. Встречаясь на уровне Африканского союза, мы знаем, какие именно факторы нас объединяют. Конститутивными элементами африканской интеграции являются региональные блоки. Так, в Восточной Африке сформировано и действует Восточноафриканское сообщество. На юге — Сообщество развития юга Африки (SADC), на западе — Западноафриканское экономическое сообщество (ECOWAS). Но сначала необходимо завершить процесс интеграции и сделать рынки открытыми, только тогда станет возможной трансафриканская торговля. Главным препятствием остается

отсталость инфраструктуры, именно поэтому мы пытаемся справляться с трудностями на континентальном уровне.

Т. Корриган:

Хорошо, вернемся к заданному вопросу, но сначала очень коротко: могут ли страны этого торгового блока в будущем объединиться в валютный союз?

Р. Одингга:

Да. Если Вы имеете в виду Восточноафриканское экономическое сообщество, в котором, как известно, существует таможенный союз и один общий рынок, то сейчас мы не стремимся к созданию единого валютного союза, потому что не хотим повторения текущей ситуации в Европе. Наверное, сейчас еще не время действовать в этом направлении. Но мы строим планы относительно будущего союза. Я должен обратить особое внимание на один момент: как стране, обладающей нефтью, нам всего три месяца. Количество нефти нам точно не известно. Мы все еще ведем подсчеты, но даже сейчас можно уже сказать, что у нас больше ресурсов, чем у соседних стран.

По мировому опыту мы знаем, что нефть может быть как счастливым даром, так и проклятьем. Нам известны примеры стран, в которые нефть принесла беды, но есть страны, которые используют ее себе во благо, делая людей счастливее. Будем равняться на положительные примеры, ведь мы далеко не первопроходцы в этой области. Мы знаем, где нас может подстеречь опасность, и постараемся обойти ее стороной. В настоящее время мы разрабатываем правовые основы, которые позволят нам управлять нефтяным сектором более эффективно на благо народа нашей страны, причем не только нынешних, но и будущих поколений. Хорошим примером является Норвегия, где прибыль нефтяного сектора инвестировалась в будущие поколения.

Т. Корриган:

Насколько я поняла, вы хотите создать своего рода государственный фонд благосостояния на основе получаемой от нефти прибыли?

Р. Одингга:

Совершенно верно. Мы планируем инвестировать в будущее. Но мы также будем использовать прибыль и для улучшения жизни нынешнего поколения. Сегодня на нас работают лучшие консультанты. Совместными усилиями мы постараемся выбрать лучшее в международной практике и разработать правовые нормы для нашей страны.

Т. Корриган:

Еще один вопрос. По-моему, в последнем ряду кто-то поднимал руку.

А. Кузьяев:

Во всех развивающихся странах действительно есть серьезные проблемы. Здесь говорилось о том, что в соседней с Кенией стране после открытия нефти существенно изменили нефтяное законодательство. Это очень серьезная проблема, касающаяся долгосрочных инвестиций. Нефть требует инвестиций на срок от 30 до 40 лет. Один только геологоразведочный процесс длится от 5 до 10 лет, а дальше идут длительные процедуры, связанные с разработкой и эксплуатацией месторождения. От начала разведки до начала добычи в среднем проходит 10—15 лет. И если нет налоговой стабильности, нет адекватного налогового законодательства, нет намерения руководителей страны поднять эту отрасль, а есть только желание с самого начала все поделить и ущемить интересы инвесторов, это очень серьезная проблема.

С момента открытия нефти в Уганде прошло более 10 лет, но до сих пор серьезного роста добычи не наблюдалось. Есть и другие примеры, когда инвесторы, несмотря на то, что страна бедная, с большими социальными проблемами, отдают ей предпочтение из-за стабильности налогового законодательства, из-за того, что оно развивается путем взаимодействия с

инвесторами. В случае с Кенией, Угандой, Кот-д'Ивуаром инвестор приходит в страну, не зная, есть там нефть и газ или же их нет. И он очень серьезно рискует. Вероятность открытия таких месторождений равна где-то 10–15%, то есть в девяти случаях из десяти вы рискуете потерять свои инвестиции.

При таком огромном риске нужна стабильность, и это один из главных вопросов, связанных с инвестициями в горнорудную промышленность и систему природопользования африканских стран. Там, где мы работаем, у нас есть такие гарантии: это очень важно.

Т. Корриган:

А повышается ли уровень правовой стабильности? Я знаю, что вы работаете в различных странах. Можно ли утверждать, что в целом в этих странах наблюдается повышение надежности правовой системы?

А. Кузьяев:

Большинство наших контрактов — это соглашения о разделе продукции или концессионные соглашения сроком на 30 лет. Если мы видим, что в какой-то стране происходят серьезные изменения не в пользу инвесторов, то мы очень серьезно подумаем, прежде чем инвестировать туда. Для сведения, Трейси: одна геологоразведочная скважина на глубоководном шельфе стоит от 100 до 150 миллионов долларов. Судно вместе с оборудованием для бурения скважины ежедневно обходится в сумму от одного до полутора миллионов долларов. Вот риск, на который идут нефтяные компании. Очень важно, чтобы между такими инвесторами и государством установилось взаимное доверие.

Т. Корриган:

Хорошо. Есть ли еще вопросы?

М. Манулов:

Марк Мануйлов, Высшая школа экономики.

Здесь было сказано, что инвестиции в страны Африки связаны с большими рисками. Хотелось бы услышать, как власти стран, откуда происходят уважаемые представители бизнеса, помогают им минимизировать эти риски при выходе на новые рынки — и, в частности, как это делает российское государство.

Насколько вы удовлетворены сотрудничеством с государством и помощью с его стороны? Что можно сделать для повышения их эффективности? Спасибо.

В. Кремер:

Действительно, законодательство в Африке очень разное, и в него вносятся серьезные изменения — например, в Южной Африке. Существуют так называемые Black Economic Empowerment regulations: не менее 26% капитала предприятий, занимающихся развитием минерально-сырьевой базы, должно принадлежать местным партнерам. Сейчас все больше применяется принцип BBEE — Broad-Based Black Economic Empowerment: по сути, это означает, что местным партнерам должно принадлежать не менее 51%. Недавно в Зимбабве ввели Indigenisation Regulation, почти то же самое, что и BBEE regulation в Южной Африке. Вы должны фактически бесплатно отдавать 51% — контрольный пакет акций предприятия — местным партнерам. Конечно, это нужно иметь в виду.

Что касается участия российского государства, то его мы наблюдаем в Африке повсеместно.

Здесь задавался вопрос: как мы реагируем на фактическое доминирование Китая? Я хочу отметить, что нельзя сбрасывать со счетов и Индию. Действительно, идет массированное проникновение в Африку крупных китайских государственных компаний и частных индийских компаний.

Нужно сказать, что, например, в Южно-Африканской Республике к российскому бизнесу относятся очень позитивно, поскольку помнят, что Советский Союз помогал Африканскому национальному конгрессу. На чисто эмоциональном уровне хорошее отношение к россиянам есть. Надо иметь в

виду, что модель, которую выбирает российский бизнес, сильно отличается от китайской. Китайцы привозят свою рабочую силу в африканские страны. Мы же создаем рабочие места для местного населения и этим выгодно отличаемся от китайцев.

Недавно Группа Компаний «Ренова» обратилась к руководству России с предложением о создании единого координационного центра — Совета по экономическому взаимодействию со странами субэкваториальной Африки. Это вылилось в создание открытого акционерного общества, где лидирующие позиции занимает Внешэкономбанк. Фактически речь идет о крупных инвестициях в страны субэкваториальной Африки и о защите там интересов российского государства, об обеспечении нашего геополитического влияния. Революции в странах Магриба и сегодняшняя политическая ситуация там заставляют наше государство — в частности, Министерство иностранных дел — уделять особое внимание субэкваториальной Африке. Государство начинает нам сильно помогать.

Т. Корриган:

Господин Кузьяев, прошу Вас ответить кратко, так как у нас крайне мало времени. Спасибо.

А. Кузьяев:

Было очень важно обсудить внешнеэкономическую политику и деятельность предпринимателей. Мимо них мы обычно проходим, а именно этот аспект является ключевым, если говорить об Африке.

Я хотел бы заявить, что у России есть африканский шанс. Мы можем и должны присутствовать в Африке. Мы не должны упустить эту возможность. Нас ждут. Наша промышленность способна производить продукцию, которая востребована в Африке, и это касается не только нефтегазовой и энергетической отраслей.

В то же время сегодня мы имеем мощную поддержку со стороны государства, прежде всего внешнеполитическую. Сложилась определенная система межгосударственных отношений. Но если мы хотим присутствовать на африканском рынке, нужно вести более активную внешнеэкономическую политику, развивать систему государственных гарантий, государственных субсидий, государственных кредитов.

Т. Корриган:

Спасибо. Наше время почти истекло. Я бы хотела завершить встречу небольшим опросом. В двух словах, чего Вы больше всего ждете от Африки в следующем десятилетии. Начнем с премьер-министра Одингги.

Р. Одингга:

Я думаю, что пессимисты ошиблись относительно будущего Африки. Для меня Африка — это локомотив экономического роста и развития. Мой прогноз таков: в этом веке Африка займет заслуженное место в мировом сообществе. Экономика Африки будет развиваться намного стремительнее, чем в остальных регионах мира. Я хочу, чтобы мы имели возможность работать и жить в мирных условиях. Спасибо.

Т. Корриган:

Спасибо. Андрей, каковы Ваши надежды или прогноз относительно будущего Африки на ближайшие десять лет? Пожалуйста, очень быстро.

А. Кузьяев:

Африка будет расти, и это шанс для всех, кто хочет расти вместе с ней.

Т. Корриган:

Владимир.

В. Кремер:

Консолидация и развитие марганцевой промышленности в Калахари.

Т. Корриган:

Отлично. Николай?

Н. Зеленский:

Мне кажется, что у африканских стран есть все предпосылки для экономического роста. Исторически этим странам всегда не хватало стабильности и качественного государственного управления: я бы хотел пожелать им и того, и другого. Необходимо не только выражать желание получить что-то в краткосрочной перспективе, но и смотреть в будущее. Население в Африке очень молодое и нуждается в росте благосостояния на протяжении длительного периода. Выражаю надежду, что африканские страны придут к стабильности и получат качественное государственное управление.